

Обед оставил гнетущее послевкусие — проглотить его толком не удалось. Зато прояснилось главное: Фэна, похоже, и впрямь наспех сделали козлом отпущения, чтобы бросить кость примчавшемуся из Восточной столицы господину Ляну.

Избегая лишних глаз, сообщники заглянули в лавку готового платья, чтобы прикупить сменную одежду на случай непредвиденных обстоятельств. Роль безмолвного носильщика тюка с вещами, разумеется, досталась Се Юйсую.

Глядя на эту величественную ходячую вешалку с каменным лицом, Сюнь Хайши покатился со смеху. Смеялся он так отчаянно, что зашёлся в глухом надсадном кашле. Прохожие всё чаще оборачивались на них. Се Юйсуй, не выдержав пристального внимания толпы, наконец нехотя похлопал спутника по спине, умудряясь даже при этом держать осанку безупречно прямой.

Кое-как переведя дух, Сюнь Хайши вцепился в рукав Се Юйсую и заговорщически улыбнулся:

— Идём. Сперва заглянем на прежний постоялый двор, а уж потом навестим нашего покойного военного комиссара по умиротворению с распоротым брюхом. Промедлим — и вашего косолапого приятеля мигом придушат в камере, выдав это за самоубийство от раскаяния. И концы в воду.

Се Юйсуй поначалу недоумевал, зачем им возвращаться на постоялый двор. Но когда он увидел, как Сюнь Хайши ловко лепит на дверь фальшивую казённую печать — точь-в-точь как прежняя, — у него попросту пропал дар речи.

Сюнь Хайши отряхнул ладони:

— Как выжить в Цзянху, если не умеешь крутиться? К тому же на этой бумажке даже клейма нормального не было. Хотя оно и к лучшему — избавило меня от необходимости вырезать печать из репы. — Он с явным удовольствием оглядел плод своих трудов, который теперь ничем не отличался от оригинала. — А в Управление по умиротворению наведемся ночью.

Се Юйсуй молча окинул взглядом поддельную ленту. Его лицо выражало лишь глубокий скепсис.

Сумерки сгустились быстро. Они перебрались на другой постоялый двор, подальше от центра, чтобы не мозолить глаза ищейкам. Приют оказался крошечным и тесным. Из-за наплыва чужаков в Юнчжоу здешний хозяин безбожно задрал цены, выставив вон бедных постояльцев, благодаря чему беглецам и удалось урвать свободный угол.

Перед выходом Сюнь Хайши попытался было отлынивать, уверяя, что из-за слабости станет обузой. Однако Се Юйсуй без лишних слов утянул его за ширму и бесцеремонно швырнул ему в

лицо чёрный наряд для ночных вылазок.

За последние дни иссушенные каналы ци мало-помалу свыклись с чужеродным присутствием в теле, и нестерпимый зуд в горле понемногу утих. Хотя в костях по-прежнему гнездилась тупая ломота, терпеть её было можно. Когда Се Юйсуй увлёк его за собой на крышу, Сюнь Хайши, вопреки собственным причитаниям, почти не отставал. Внутренняя сила всё ещё текла со скрипом, но многолетняя выучка никуда не делась. Сюнь Хайши скользил бесшумно, точно тень, и ступал так мягко, что Се Юйсуй невольно бросил на него оценивающий взгляд.

Они притаились на крыше боковой пристройки Управления по умиротворению, на приличном расстоянии от главного зала. Огромная усадьба сияла огнями. Всюду покачивались белые траурные фонари, холодный ветер трепал белые шёлковые ленты. Казалось, за каждым углом притаились неупокоенные души, следящие за незваными гостями холодными мёртвыми глазами.

— Слышишь? — вкрадчиво прошептал Сюнь Хайши.

Ледяной зимний сквозняк доносил из глубины галерей едва различимый, надрывный плач. В этой могильной тишине звук казался особенно жутким.

Се Юйсуй молча кивнул.

Сюнь Хайши прислушался, склонив голову набок, и указал рукой на восток:

— Звук идёт оттуда.

Не успело сорваться последнее слово, как Се Юйсуй бесшумно скользнул вперёд. Сюнь Хайши не успел и глазом моргнуть, как сильные руки обхватили его за талию, земля ушла из-под ног, и они птицей взмыли в воздух. Лишь мгновение — и они, едва коснувшись черепицы, бесшумно опустились на крышу усадьбы прямо над нужным внутренним двориком.

— Надо же, как богато живёт царство Чжу, — негромко проговорил Се Юйсуй, оглядывая усадьбу. — Даже захудалое Управление по умиротворению утопает в роскоши. Сразу видно великую державу с вековой историей.

Сюнь Хайши повернул к нему лицо. В ночной полутьме его взгляд казался непроницаемо глубоким — не понять, уловил ли он скрытую иронию или принял слова за чистую монету.

Сюнь Хайши тихо хмыкнул:

— Обычные управы, конечно, выглядят поскромнее. Военных комиссаров по умиротворению в Поднебесной пруд пруди, чин этот — ни то ни сё, золотая середина. А уж сколько удастся урвать, зависит от умения ладить с нужными людьми и крепости твоей опоры.

Он сощурился, глядя на темнеющие внизу постройки.

— Тот, что сидел здесь в Юнчжоу, ещё в Восточной столице умудрился наступить на мозоль слишком многим. Зато в этих краях развернулся вовсю — стал настоящим удельным князьком. Ладить с людьми он, положим, не умел... Но вот родословная у него отменная. Его папаша — та ещё штучка. Если бы вы его знали, сразу бы поняли, что это...

— И кто же он? — любопытствовал Се Юйсуй.

— Хм... — Сюнь Хайши на мгновение задумался, а затем, лукаво прищурившись, увёл разговор в сторону: — Невероятный самородок.

Больше он не проронил ни слова.

Се Юйсуй настаивать не стал. Они стояли по разные стороны баррикад. И пусть сейчас глава ордена Сюнь больше походил на его пленника, разговорить этого проныру было делом почти безнадежным. Олухи на вершине Павильона Небесной Оси не удерживаются.

— Похоже, умолкли, — шепнул Сюнь Хайши, прильнув к самому краю крыши и вглядываясь в темноту.

— Может, тебе показалось? — возразил Се Юйсуй. — Да и чему тут удивляться? В усадьбе полно женщин. Хозяин мёртв, защитить их теперь некому, вот и голоса от страха перед будущим.

— Гляжу, у вашего высочества богатый опыт в подобных делах, — Сюнь Хайши, когда кривлялся, неизменно переходил на приторно-вежливый тон. Он тут же притворно шлёпнул себя по губам: — Ах, простите мою дерзость! Вы ведь, слава богам, живы-здоровы, так с чего бы вашим прелестницам лить слёзы?

Се Юйсуй промолчал, пропустив колкость мимо ушей.

— И всё же, — Сюнь Хайши посерьёзnel, — какова бы ни была причина, на свете есть две вещи, которые мужчинам прощать негоже.

Се Юйсуй вопросительно изогнул бровь.

— Во-первых, измена родине, — твёрдо произнёс глава ордена Сюнь. — Поднебесная — наш общий дом, и тот, кто предаёт его, заслуживает лишь смерти.

Се Юйсуй согласно кивнул. Тут спорить было не о чем.

— А во-вторых... — Сюнь Хайши выдержал эффектную паузу. Дождавшись, пока спутник посмотрит на него с неослабевающим интересом, он весело добавил: —...это когда из-за тебя плачет женщина.

Се Юйсуй онемел.

Мысль, конечно, была благородной, но в нынешних обстоятельствах — да ещё после пафосного вступления о судьбах государства — прозвучала она на редкость нелепо.

— Этот дворик выглядит заброшенным, — заметил Сюнь Хайши. — Но погляди, как близко он примыкает к главным покоем.

Их разделяла лишь стена. По одну сторону высились искусно уложенные камни и густые заросли, среди которых вызывающе алели цветы дикой сливы, оттеняя траурное убранство усадьбы. По другую же — сиротливо высилось сухое дерево да чернел пустой чан для воды. Убожество, совершенно не подобающее резиденции столь важного чиновника. Однако расположение у этого унылого пятачка было на удивление выгодным.

Кругом царил крошечный мрак. Ни одного белого фонаря, ни единого намёка на траур — это место казалось чужеродным клином в теле усадьбы.

— Раз уж мы здесь, давай осмотримся, — шепнул Се Юйсуй и, увлекая Сюнь Хайши за собой, бесшумно прыгнул вниз.

Под ногами не хрустнула ни одна ветка. Вокруг стояла мёртвая тишина: ни стражи, ни слуг, словно этот угол давно покинули живые.

— Можешь понять, откуда доносился плач? — спросил Се Юйсуй.

— Вроде бы из восточного флигеля... — Сюнь Хайши осёкся, удивлённо приподняв бровь, но тут же беззаботно продолжил: — Надо же, такая глушь, а во флигеле кто-то ютится.

Стоило ему сделать два шага вперёд, как воздух за спиной с шипением рассекла сталь. Лезвие опустилось аккуратно туда, где он стоял мгновение назад — удар был нанесён с убийственной точностью. В следующий миг тишину разорвал звон столкнувшихся клинков.

Сюнь Хайши среагировал мгновенно: юркнул за спину Се Юйсуй и крепко вцепился в его широкий рукав.

— Ваше высочество, только без резких движений! Укройте меня, умоляю!

Се Юйсуй едва успел отбить первый выпад, как из темноты вынырнули ещё двое. Троица

нападавших действовала слаженно и была наверняка, целясь исключительно в уязвимые места.

Отражая натиск, Се Юйсуй отчаянно пытался стряхнуть с себя назойливую «пиявку». Наконец, не выдержав, он рывкнул сквозь зубы:

— Великий глава Павильона Небесной Оси, неужто ты так труслив?!

Заметив, что его пытаются бесцеремонно сбросить, Сюнь Хайши перехватил поудобнее чужую руку и повис на ней мёртвой хваткой.

— Ещё как труслив! — невинно захлопал он глазами, протянув последнее слово с издевательской лаской.

От этой вкрадчивой интонации у Се Юйсуй едва не дрогнуло запястье, а меч чуть не выскочил из пальцев. Собрав силы, он мощным круговым ударом заставил троих противников отступить и одновременно с этим с силой отпихнул напарника.

— Проваливай!

— С удовольствием! — весело отозвался Сюнь Хайши и, не заставив себя просить дважды, юркой тенью метнулся в сторону.

Обогнув пару колонн, он затаился в тени галереи возле входа в восточный флигель. Некоторое время Сюнь Хайши лениво наблюдал за схваткой, окончательно убеждаясь, что Се Юйсуй действительно мастер своего дела, а не очередной никчёмный хвастун из Восточной столицы. Успокоившись, он негромко бросил в сторону сражающихся:

— Вы уж поразвлекитесь тут с ними, а я пока загляну внутрь.

Не дожидаясь ответа и даже не заботясь, расслышал ли его князь в пылу боя, Сюнь Хайши приоткрыл дверь флигеля и бесшумно скользнул в тёмный зев комнаты.

<http://bllate.org/book/20070/2001634>